УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179

КУРГАН У С. НОГИР И ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Николаева Н. А., Сафронов А. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представить курган у с. Ногир Пригородного района Северной Осетии как базовый памятник ранне- и среднебронзовой эпохи в Центральном Предкавказье.

Процедура и методы. Приведено описание кургана у с. Ногир и дан анализ его как эталонного памятника бронзового века в Центральном Предкавказье. Для интерпретации памятника использованы стратиграфический, сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Установлено, что переход от кубано-терской к катакомбной культуре в Северной Осетии совершался по единому алгоритму, наблюдаемому в других регионах Восточной Европы: при смене типа погребального сооружения сохранялись обряд и комплекс инвентаря предшествующей культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в археологию Центрального Предкавказья, свидетельствуя о родстве и преемственности кубано-терской и раннекатакомбной культур не только между собой, но и с культурами шнуровой керамики и шаровидных амфор Европы, что подтверждается данными лингвистики.

Ключевые слова: Северная Осетия, бронзовый век, кубано-терская культура, катакомбная культура, погребальный обряд (амфоры и кружки)

A KURGAN NEAR THE VILLAGE OF NOGIR AND THE PROBLEM OF CULTURAL ATTRIBUTION OF MIDDLE BRONZE AGE MONUMENTS IN NORTH OSSETIA

N. Nikolaeva, A. Safronov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe a burial mound near Nogir, a village in the Prigorodny District of North Ossetia as a monument characterizing the Early and Middle Bronze Age in the Central North Caucasus region.

Methodology. The mound under study was characterized as a reference monument of the Bronze Age in the Central North Caucasus region using stratigraphic, comparative typological and comparative historical methods.

Results. As a result of the study it was found that the transition from the Kuban-Terek to the Catacomb culture in North Ossetia took place according to an algorithm of the formation of the early Catacomb horizon in other regions of Eastern Europe: the change of the burial structure from the pit to the catacomb while preserving the rite and complex of the inventory of the previous culture.

Research implications. The research results give a contribution to the archaeological history of the Ciscaucasia and the Central North Caucasus. Kurgan near the village. Nogir is the most important evidence of the genetic relationship and continuity of the Kuban-Terek and Early Catacomb cultures

on the territory of North Ossetia both among themselves and with the circle of Corded Ware and Globular amphorae cultures of Central Europe that is confirmed by the data of areal linguistics.

Keywords: North Ossetia, Bronze Age, Kuban-Terek culture, Catacomb culture, burial rite, grave's goods of amphorae and mug

Введение

До 1960 г. основными источниками для исследования среднебронзового века Северного Кавказа были случайные находки в музейных собраниях [8]. В последующие десятилетия масштабные раскопки в предгорных районах Северного Кавказа и в степном Предкавказье [3; 12] полностью изменили источниковую базу изучаемого периода, дополнив её достоверными «закрытыми» комплексами, хотя и не обеспеченными в должной мере данными стратиграфии. Однако новые материалы не повлияли на устоявшееся коллективное представление археологов, сформулированное ранее в виде последовательности майкопской культуры с двумя этапами, северокавказской культуры с тремя этапами и тремя вариантами [2; 8; 10: 32–35, табл. 1]. Первая доказательная периодизация и хронология для северокавказских древностей была разработана В.А. Сафроновым [15, с. 23–174] и базировалась на последовательности отдельных северокавказских импортов в стратифицированных курганных погребениях Калмыкии в виде горизонтов (обозначены буквами А, В, С, D1, D2, Е) и культурных групп (обозначены цифрами I–VII) [15, с. 23–124]¹. На Северном Кавказе для

среднебронзового века были введены параллельные обозначения: «СБ 1а, СБ 1б, СБ 1с», что расшифровывается так: Среднебронзовый I период с тремя горизонтами а, б, с, и Среднебронзовый II а и б, Среднебронзовый III [15, с. 124–173]. Для следующего этапа исследования – исторической реконструкции – необходимо было знать действующий субъект – этнос. В археологии его эквивалентом является, по умолчанию, «археологическая культура». Однако существующий термин «северокавказская культура» – собирательный, охватывающий случайные находки, относящиеся к различным культурам средней бронзы на Северном Кавказе, не отвечал поставленной задаче исследования. Следует отметить, что сложность выделения основной монокультуры среднебронзового века заключалась в неоднородности исходного пост-майкопского и докобанского массива древностей (по меньшей мере, в нём присутствовало 4 археологические культуры). Ядро монокультуры среднебронзового века Северного Кавказа было выделено сначала через аналогии чужеродной для Северного Кавказа форме – амфорам – в круге культур КШК и КША с последующим дополнением и расширением этого «амфорного» ком-

¹ В. А. Сафроновым был использован оправдавший себя методический приём для разработки периодизации бронзового века Северного Кавказа. Сначала он установил последовательность северокавказских импортов в степных стратифицированных курганах в виде культурных групп (I – поздняя культура с молоточковидными булавками с прямым стержнем и слабо выпуклыми бляхами с пуансоном; II – северокавказская в ямах с посоховидными булавками и кабардино-пятигорскими топорами; III – катакомбы с ямным обрядом и веретенообразными молоточковидными булавками; IV – катакомбы с северокавказским обрядом «вытянуто на спине» с посоховидными булавками и полусферическими бронзовыми коваными умбонами с пуансонным орнаментом; V – классическая предкавказская культура и катакомбы с захоронениями

ми на боку, скорченно; VI – катакомбы с обрядом культуры многоячеистой керамики; VII – срубная культура). Стратиграфические горизонты, в которых находились перечисленные группы, были обозначены от А до D2. В настоящее время эти культурные группы, обозначенные цифрами, переименованы в традиционном ключе как культуры: II – степная северокавказская; III, IV – раннекатакомбная полирититуальная; V – восточноманычская культура [17, с. 268]; VI – лолинская. Сейчас доказано, что ямный обряд погребения – явление поликультурное и полиэтничное и соответствует не только ариям/индоиранцам [10, с. 213–220]. Первыми пастухами в Предкавказье были носители бескурганной «древнейшей» культуры конеголовых каменных скипетров, которым соответствует лингво-этноним 'тохары' [11, с. 570–579].

плекса, начиная со стратифицированных курганов Северной Осетии по дуге от с. Ногир на р. Терек через с. Дзуарикау на р. Фиагдон до Хазнидона на р. Урух, и далее до Усть-Джегуты на р. Кубань. Для этого культурного конгломерата нами был предложен термин «кубано-терская культура», с предгорным и степным вариантами (далее КТК) [9; 10, с. 19–23]. Кроме КТК, на Северном Кавказе известны катакомбы бронзового века разного времени и генеза. Термин для их обозначения пока не устоялся.

Публикация материалов раскопок стратифицированного кургана у с. Ногир – одного из базовых памятников для выделения и разработки периодизации кубано-терской культуры среднебронзового века центрального Северного Кавказа, имеет своей целью закрыть пробел между этапами кубано-терской культуры, представленными могильником у с. Дзуарикау¹, и первыми памятниками катакомбной культуры в Северной Осетии, а также установить форму перехода от кубано-терской культуры к катакомбной культуре на Северном Кавказе.

Результаты исследования

Курган у с. Ногир² находился в 7 км от г. Владикавказ. К началу раскопок курган представлял собой насыпь диаметром

около 50 м, высотой 2,2 м. Было оставлено три бровки, ориентированные по линии СЗ–ЮВ.

Бровка 0 (восточная сторона) (рис. 1:2). Высота бровки 0 до погребённой почвы – 2,1 м. Мощность погребённой почвы (суглинок с мелкой галькой) – 0,25 м. Слой I (длина 35 м). Под насыпью было два кромлеха, перекрытые слоем I и не связанные с ним: диаметр сохранившегося кромлеха (из двух рядов валунов размером до 0,6 м) – 24,5 м; ширина – 0,7 м; он относится к слою III. Слой II (длина – 24,5 м) отличался по цвету от слоя I; перекрывал выкид от погребения 13 в южной поле бровки 0. Слой III (длина – 24 м) состоит из земляной насыпи (IIIa) и каменного панциря (IIIб); укреплен кромлехом. Слой IV – каменный курган из булыжника над основной могилой № 6 на погребённой почве (высота – 1,5 м; диаметр – 10 м; вершина слоя IV смещена на 2 м к востоку от центра насыпи). В центре каменного кургана – след грабительского хода. В полу слоя III впущено погребение № 13 и перекрыто слоем II.

Бровка 0 (западная сторона) (рис. 1:4). Прослеживаются те же слои. С этим разрезом связана стратиграфия погребений № 8 и № 12. Погребение № 8 «село» на вершину каменного кургана (слой IV) и предположительно сооружено до возведения слоя II. Погребение № 12 впущено с поверхности слоя II, что хорошо видно на разрезе (рис. 1:4) по столбу булыжникового заполнения могилы из-под слоя I. Таким образом, по стратиграфии разрезов бровки 0 устанавливается последовательность погребений № 6, № 13, № 8 и № 12. При разборе центральной бровки был обнаружен объект № 15, состоящий из сосуда и ножа, связанный с основным погребением № 6.

Бровка 1 (западная сторона) (рис. 1:3). Прослеживался слой I–II, не отличаясь по цвету. Высота – 0,7 м по центру; длина слоя – 20 м. Слой III лежит на погребённой почве. Мощность – 1 м. Длина – 17 м, поскольку каменного кургана IV в бров-

¹ Курганы у с. Дзуарикау (12 курганов; раскопки В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой 1976 г. [9; 10, с. 439–488] находились в 25 км на юго-запад от Владикавказа на предгорной наклонной равнине Северной Осетии на высокой террасе р. Фиагдон около входа в Куртатинское ущелье. В 2008 г. были раскопаны ещё 14 курганов и 49 погребений, являющихся продолжением этого могильника, но содержащих также комплексы и позднего этапа кубано-терской культуры, синхронные погребениям у с. Ногир. Общее руководство полевыми работами осуществлял С. В. Ляхов (Ставрополь «Наследие»); держателем Открытого Листа был Б. З. Караев (Северная Осетия). Написание отчёта и реставрация были выполнены археологами М. А. Коваленко и М. Ю. Федосовым (Ростов н/Дону).

² Курган находился в 3 км к северо-западу от села и в 7 км от северной окраины г. Владикавказ. Руководители раскопок – В. А. Сафронов, Н. А. Николаева [10, с. 396–399].

Рис. 1 / Fig. 1. План и разрезы кургана / Plan and sections of the mound

ке 1 уже нет. Каменная наброска выклинивается в бровке 1.

Стратиграфия кургана. Над основным погребением № 6 на древней дневной поверхности в ящике, сложенном из булыжника, был сооружён каменный курган (слой IV), высотой 1,5 м и диаметром 10 м. Под этим курганом (слой IV) на расстоянии 3,5 м от п.6 в бровке на глиняной площадке был найден также объект № 15, состоящий из сосуда и ножа. Погребение № 13 было последним впускным в слой III, поскольку выкид от него законсервирован

слоем II. Погребение № 8 впущено по центру после сооружения слоя II, поскольку мощность слоя должна быть достаточной для сооружения могилы. Погребение № 12 впущено также со слоя II, но не законсервировано насыпью (не отмечено выкида). Погребение № 12 находилось между кольцами кромлеха, которые связаны со слоем III. Последним впускным в слой II было погребение № 14. Перекрыто слоем I. В южную полу кургана, принявшего современный вид, были впущены катакомбы № 2, 3, 4, разрушившие часть кромлеха.

Описание погребений¹.

Погребение № 6. (рис. 2: I). Основное. Находилось под каменным курганчиком в 0,5 м от 0 к северо-востоку и в 0,85 м к юго-западу и было совершено на древней дневной поверхности в ящике, сложенном из булыжника. Погребение было

ограблено и разрушено, но конструкция ящика из булыжников в 3–4 яруса сохранилась. Дно ящика, обмазанное серо-зелёной глиной, представляло собой глиняную площадку, находящуюся в бровке и в траншее (длина её – 1,4 м, ширина – 1,2 м). Размеры площадки указывают, что

Рис. 2-I / Fig. 2-I. **Ногир, курган 1. Основное погребение № 15:** 1 – развал амфоры из ящика № 15; 4 – амфора; 2 – бронзовый нож; 3 – план каменного ящика / Nogir, kurgan 1. Main burial No. 15: 1 – amphora fragments from box no. 15; 4 – amphora; 2 – bronze knife; 3 – plan of a stone box

Рис. 2-II / Fig. 2-II. **Ногир, курган 1. Погребение № 11:** 1 – план и разрез погребения; 2 – придонная часть сосуда; 3 – ложковидные подвески; 4 – бронзовый нож; 5 – умбон полусферический / Nogir, kurgan 1. Burial no. 11: 1 – plan and section of the burial; 2 – the bottom part of the vessel; 3 – spoon-shaped pendants; 4 – bronze knife; 5 – hemispherical umbo

Рис. 2-III / Fig. 2-III. **Ногир, курган 1. Погребение № 8:** 1 – амфора; 2 – пронизи из белой пасты; 3 – бронзовое шило; 4 – бусина из зуба ископаемой рыбы; 5, 6 – стерженьки-подвески; 7 – сегментовидные подвески из бронзы; 8 – ложковидные подвески; 9 – бронзовый ножичек / Nogir, mound 1. Burial no. 8: 1 – amphora; 2 – beads from white paste; 3 – bronze awl; 4 – bead from a tooth of a fossil fish; 5, 6 – suspension rods; 7 – segment bronze pendants; 8 – spoon-shaped pendants; 9 – bronze knife

Рис. 2-IV / Fig. 2-IV. **Ногир, курган 1. Погребение № 13:** I – план и разрез погребения 13. 2 – амфора; 3 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial no. 13: I – plan and section of burial 13. 2 – amphora; 3 – mug

Рис. 2-V / Figure 2-V. **Ногир, курган 1. Погребение № 12:** 1 – бронзовые пронизки; 2 – план и разрезы погребения 12; 3 – кружка; 4 – амфора / Nogir, mound 1. Burial no. 12: 1 – bronze beads; 2 – plan and sections of burial 12; 3 – mug; 4 – amphora

Рис. 2-VI / Fig. 2-VI. **Ногир, курган 1. Погребение № 14:** 1 – план и разрезы погребения 14; 2 – мисочки на заплечике; 3 – сосуд; 4 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial No. 14: 1 – plan and sections of burial 14; 2 – bowls on the shoulder; 3 – vessel; 4 – mug

¹ С появлением нового неизвестного археологического объекта (скопление камней, пятно заполнения могилы, зола, обожжённая глина, керамика) местонахождение расчищалось и снабжалось номером. Таких объектов в кургане оказалось 22. Отсутствующие в описании номера представляли отдельные фрагменты керамики, ложные пятна и скопления камней. Однако истинных погребений было меньше. Этим объясняются нарушения в порядке нумерации погребений кургана. В кургане фактически было 9 погребений (№№ 2, 3, 4, 6, 8, 11, 13, 14, 15).

захоронение было скорченное. Такой же глиной были замазаны щели между бумажниками. Ящик был перекрыт песчаниковыми плитами, фрагменты которых были найдены в кромлехе, что говорит о времени ограбления – после строительства насыпи (слой III) и кромлеха, укрепившего слой III, и до возведения слоя II, перекрывшего кромлех. На дне ящика обнаружены фрагменты бедренных костей и цилиндрические белые пастовые бусы (размеры – $1,4 \times 0,5$ см), какие встречаются в ранних комплексах кубано-терской культуры (далее КТК) 1–3 этапов.

Объект № 15 (рис. 2: I). При снятии бровки на расстоянии в 3,85 м от 0 к востоку, на глубине 1,92 м от центра кургана на древней дневной поверхности в бровке были обнаружены следы тлена от тростниковой подстилки, на которой лежали бронзовый нож с черенком и развал большого сосуда жёлтого цвета, узкогорлого с шаровидным туловом. Размеры сосуда: высота – 29 см; ширина – 32 см; диаметр дна – 8 см; диаметр горловины – 12,4 см; высота горловины – 6 см. Верхняя часть тулова сосуда орнаментирована оттисками тонкого шнурового штампа зональным узором «ёлочка», окаймлённым с двух сторон 4-мя вертикальными параллельными линиями оттисков того же шнурового штампа, характеризующего ранний этап кубано-терской культуры¹. Вероятно, этот комплекс одновременен или связан с основным погребением № 6, поскольку никаких контуров впускной ямы для этого комплекса с амфорой и ножом в бровке не прослеживается.

Погребение № 8 (рис. 2: III). Кенотаф, в бровке 0; впускное в слой III, но не вполне ясно, с какого слоя впущено; находилось на вершине каменного курган-

чика (слой IV). Северный угол площадки могилы находился в 0, 2 м к югу. Восточный угол – в 0,45 м от 0 к югу. Размеры площадки – $1,64 \times 0,6$ м. Глубина от вершины – 1,15 м. Предполагается, что впущено с вершины насыпи II. Могила «села» на каменный панцирь слоя III. Было неровным, поэтому было выровнено глиняной обмазкой толщиной 3 см.

Инвентарь: 1) пронизи фаянсовые голубые (79 шт.) длиной 1,6 см, диаметром 0,4 см; 2) бусины цилиндрические из голубого фаянса (2 шт.) длиной 1,4 см, диаметром 0,4 см; 3) бусы цилиндрические из фаянса (16 шт.) длиной 0,6 см, шириной 0,5 см; 4) подвеска – «грибок» длиной 1,0 см; 5) стержень-подвеска литой; 6) бусы из зубов ископаемой рыбы (9 шт.); 7) бусы пастовые белые (63 шт.) длиной 1,3 см, шириной 0,3 см; 8) сегментовидные подвески (реплики клыков животных в бронзе) размером $1,4 \times 0,4$ см; 9) ложковидные подвески (реплики в бронзе резцов животных) (2 шт.); 10) топор из змеевика «кабардино-пятигорского типа, гладкий» (длина – 8,5 см; ширина – 4 см); 11) нож черешковый бронзовый (длина – 9 см; ширина – 2,2 см); 12) «выпрямитель стрел» ($14,8 \times 4,5 \times 2,8$ см); 13) абразивный инструмент ($10,3 \times 4,0$ см); 14) шило бронзовое четырёхгранное; 15) амфора светло-коричневого цвета из тонко отмученного теста, плотной структуры, хорошего обжига с лощением или ангобом. На плечевой части сосуда – четыре ложные ручки в виде прямоугольных выступов с вмятинами. Орнамент зональный, штамп клиновидный и шнуровой. Высота – 32,5 см; диаметр тулова – 33 см; диаметр горловины – 20, 5 см; высота горловины – 5 см; диаметр дна – 8 см.

Погребение № 11 (рис. 2: II). Впускное, с поверхности слоя II, обнаружено в материке, в траншее 0-2, в 3,8 м к северу до центральной линии бровки 0 и в 6,8 м к востоку до 0. Могила имела овальную форму размером $2,1 \times 1,2 \times 0,15$ м. Ориентировка оси – север – юг. Погребение хотя и разрушено, но это не кенотаф: при-

¹ Пример такого раннего шнурового штампа можно видеть на амфорах из погребения Дзуарикау 1/19 с «новосвободненским» топором [10: с. 468, рис. 3:1], дата которого лимитируется стратиграфически более поздним погребением Дзуарикау 1/15 с топором «сачхерского» типа [10, с. 469, рис.4:1]. Поздние памятники КТК имеют более крупные оттиски шнура.

существовали фрагменты костей. Судя по размерам могилы, обряд захоронения – вытянутое на спине, головой на С.

Инвентарь: 1) умбоны – полусферические кованые бронзовые бляхи с отверстием посередине (высота умбона – 5,3 см; диаметр основания – 9,3 м; орнамент – «пуансонным» штампом; композиция состоит из 4-х фестонов по центру и зигзага по окружности); 2) нож (длина – 8,2 см; ширина – 2,4 см); 3) ложковидные подвески (длина – 1,5 см); 4) фрагменты толстостенного большого сосуда с внутренним и внешним плотным молочно-желтым ангобом. Ложковидные подвески в погребениях № 11 и 8 указывают на их одновременность.

Погребение № 12 (рис. 2: V). Впускное в материке, в траншее 0-2. Впущено с поверхности слоя II, поскольку прослеживается по прямоугольнику булыжникового заполнения в бровке 0 и в юго-восточном секторе кургана. Расстояние от центра могилы к северу до линии колов центральной бровки – 1,5 м. Расстояние от центра могилы до центра кургана по линии юг – север – 11,5 см, т. е. могила – за пределами слоя III и кромлехов. Было обнаружено по наброске камней над могилой. При разборке камня могила приобрела четкие трапециевидные очертания. Боковые стороны имели длину 2,5 м. Торцовые стенки могилы – 2,1 и 1,4 м. На заплечиках ямы в материке лежали булыжники. Прослеженная глубина могилы от погребённой почвы – 0,7 м. Действительная глубина могилы – 1,7 м. Яма по дну была обмазана выравнивающим раствором бело-зелёной глины с примесью песка и имела корытообразную форму. Эта конструкция, как и в пп. 6 и 8, используется в погребениях культуры шаровидных амфор, что учитывалось при сравнении КША и КТК [9, с. 133]. Могила находилась между двумя кольцами кромлеха. По стратиграфии погребение № 12 находилось между временем сооружения могилы № 13 и могилы № 14. На дне могилы находилось левобочное, сильно скорченное захоронение. Руки согнуты в

локтях, кисти перед лицом. Череп и кости позвоночника и фаланги пальцев смещены и найдены над сосудом. Берцовые кости согнуты под углом 45°, а бедренные согнуты под углом 80° к позвоночнику. Погребение было ориентировано головой на север. Обряд погребения связан с культурой шнуrowой керамики Поднестровья и одновременно появляется и на Кавказе, и в Предкавказье (см. ниже). Около северо-западной стенки обнаружено два сосуда. Над ними на высоте 40 см вместе с фрагментами истлевшего черепа обнаружены бронзовые пронизи.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора светлокориcневого цвета с двумя сдвоенными асимметричными ручками, на разных уровнях. С двух сторон ручек – по два круглых налепа. Ручки – псевдополшарные (основание – широкий мениск шириной 3 см, а ручка – ленточная шириной 2 см). Ленточная часть ручки имеет каннелюру по центру, украшенную насечками в виде вертикали вписанных углов. Высота сосуда – 26,5 см. Ширина тулова – 27 см. Сосуд 2 – кружка с уступом с каннелированной псевдополшарной ручкой (рис. 2:V). Цвет – светло-коричневый. Венчик отделён желобком. Уступ между частями тулова также выделен желобком. На тулове три выпуклины, как и на первом сосуде. Верхняя часть кружки украшена двумя валиками параболической формы. Высота сосуда – 13,5 см. Диаметр верхней части кружки – 14 см. Диаметр дна – 8 см. Ширина ручки у основания – 5,0 см. Ширина ручки в середине – 2,3 см. Ширина каннелюры – 1,0 см (рис. 2 :V).

3) В-образные пронизи [10, с. 499, рис. 27а: 28]¹;

4) сегментовидные пронизи [10, с. 499, рис. 27а: 25];

5) пронизи с приклёпанной шаровидной подвеской.

Погребение № 13 (рис. 2: IV). Впускное в слой III, в материке, в юго-восточном секторе кургана, находилось в тран-

¹ Номенклатура некерамического инвентаря КТК [10, с. 494–500, Приложение 3 табл. 27а и б].

шее 0-1, между двумя кольцами кромлеха. Выкид материковой гальки из ямы п. 13 наслоился с восточной полы слоя III в бровке 0 и сохранился, поскольку был перекрыт насыпью (слой II). По стратиграфии погребение № 13 сооружено раньше погребений № 12, № 14 и даже № 8. Расстояние северо-западного угла от линии колов – 1,8 м; от центра к востоку – 11,3 м. Булыжниковое заполнение ямы в форме прямоугольника с закруглёнными углами, ориентированного по линии ЗСЗ–ВЮВ, было обнаружено на погребённой почве. Размеры могилы – $2,4 \times 0,9 \times 0,7$ м. Яма была заполнена на глубину 0,5 м булыжником, ниже которого шло заполнение из чернозёма, смешанного с материковым гравием. Прослеженная глубина могилы от погребённой почвы – 0,7 м. На дне находилось вытянутое на спине захоронение человека, головой на ЗСЗ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Некоторые кости отсутствовали. Череп имеет следы прижизненной искусственной деформации. В северном углу могилы стояли два сосуда.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора с двумя ручками на линии наибольшего диаметра; верхняя часть сосуда – чёрная со следами лощения; придонная часть серого цвета. На дне отпечатки ткани, что указывает на использование поворотной подставки из ткани. В изломе – примесь мелко толчёной раковины. Высота – 37,3 см. Диаметр тулова – 34 см. Ручка жгутовидная, уплощённая. Ширина у основания – 5 см; в середине – 3,5 см (рис. 2: IV). Сосуд 2 – кружка биконической формы с розово-коричневой залощенной поверхностью. На дне отпечатки ткани. Ручка с каннелюрой, псевдополушарная, с тремя параболическими валиками, ось которых параллельна линии венчика. Поверхность кружки украшена такими же рельефными параболами. По бокам – полосы, окаймлённые валиками, в которых помещены две рельефные вписанные окружности. Высота – 16,5 см. Наибольший диаметр – 22,5 см. Ширина ручки

у основания – 6 см; в середине – 4 см (рис. 2: IV).

Погребение № 14 (рис. 2: VI). Впускное, в материке, со II курганного слоя и перекрыто слоем I. Расстояние северо-восточного угла могилы до линии колов – 6 м к востоку. Расстояние до центра к северу – 9,5 м. Расстояние юго-западного угла – 8 м до линии колов. Расстояние до центра – 11,2 м. Глубина края могилы от вершины кургана – 1,4 м, от восточного края – 1,86 м. Глубина дна могилы относительно вершины кургана – 2,15 м. Пятно заполнения могилы было обнаружено на материке в виде прямоугольника, ориентированного по линии север – юг. Размеры могилы: $2,1 \times 0,95 \times 0,8$ м. С южной стороны на глубине 44 см от края могилы был устроен заплечик, на котором стояли три маленькие миски. На дне могилы лежал скелет мужчины на левом боку, с согнутыми ногами, головой на СВ. Руки были вытянуты к коленям. У северной стенки стояли два сосуда. Сохранность костей хорошая, но череп отсутствовал.

Инвентарь: Сосуд 1 – биконическая кружка с уступом между плечевой и придонной частями и с седловидной псевдополушарной ручкой. Ширина ручки у основания – 5 см; в середине – 1,5 см. Орнаментирован двумя линиями заштрихованных треугольников, обращённых вершиной вверх (поздний признак КТК, как и загнутость вовнутрь края кружки). Поверхность подлощена. Цвет – серо-жёлтый с тёмными пятнами. На дне отпечатки ткани. Высота – 13 см. Диаметр горловины – 16 см. Диаметр дна – 9,5 см. Высота венчика – 0,7 см (рис. 2: VI). Сосуд 2 с широким устьем без ручек. Высота – 33 см. Диаметр горловины – 19,5 см. Высота горловины – 4 см. Диаметр дна – 14,5 см. На горловине по два круглых налёпа с пальцевидным вдавлением в середине (рис. 2: VI).

Погребение № 2 (рис. 3: I) впускное в катакомбе, в материке, в юго-западном секторе кургана. Расстояние ЮЗ угла входной ямы от линии колов – 14 м, от

Рис. 3-I / Fig. 3-I. Ногир, курган 1. Погребение № 2: 1 – план и разрез катакомбы 2; 2 – амфора; 3 – кружка / Nogir, kurgan 1. Burial no. 2: 1 – plan and section of catacomb 2; 2 – amphora; 3 – mug

Рис. 3-II / Fig. 3-II. Ногир, курган 1. Погребение № 3: 4 – план и разрез катакомбы 3; 5 – амфора; 6 – кружка / Nogir, mound 1. Burial no. 3: 4 – plan and section of catacomb 3; 5 – amphora; 6 – mug

Рис. 3-III / Fig. 3-III. Ногир, курган 1. Погребение № 4: 1, 2 – план катакомбы 3; 4 – сосуд; 5 – мисочка; 6 – кружка / Nogir, mound 1. Burial ground no. 4: 1, 2 – catacomb plan 3; 4 – vessel; 5 – bowl; 6 – mug

центра – 8,7 м. Глубина от вершины кургана до дна входной ямы – 3,6 м. Глубина от материка до дна входной ямы – 1,5 м. Входная яма ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ. Длина входной ямы по оси – 2,25 м. Наибольшая ширина – 1,45 м; западная сторона – 0,9 м. Углы сильно скруглены. Ширина ямы у входа в камеру – 1,1 м. Катакомба ориентирована по линии север – юг. Камера – овальная в плане. Размеры камеры по длинной оси – 1,95; ширина – 0,72 м. Глубина входной ямы от материка – 1,5 м. Глубина камеры от материка – 1,5 м. Между камерой и входной ямой не было ступеньки. На дне камеры лежал скелет человека, вытянутого на спине, ориентированный головой на Ю. Левая рука отведена в сторону, правая лежала на тазу. Кости стоп отсутствовали. В юго-западной части камеры, в углу стояло два сосуда.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора с 4-мя выступами. Внешняя поверхность тёмно-жёлтого цвета: изнутри и в изломе – чёрного цвета. Горловина от плечевой части отделяется гладким валиком. Плечевая от придонной – также валиком с насечками. От валика отходят 4 выступа – ушки. Выступы имеют насечки. Над каждым выступом – три наlepных валика, параболы, концентрические. Размеры амфоры: высота – 32 см.; диаметр тулова без выступов – 35 см. Ширина ушек – выступов – 5,5 см. Толщина рельефного валика – 1 см. Сосуд 2 – кружка с седловидной псевдополусферной ручкой из-под венчика прикреплена к уступу. Ниже уступа на стороне, противоположной ручке, имеются три круглых наleпа, а выше уступа – орнамент в виде трёх концентрических парабол, выполненных наlepными валиками. На дне отпечатки ткани. Венчик уплощён и отделён желобком от горловины. Размеры: высота – 13,5 см; диаметр горла – 14 см; высота горла – 5 см; диаметр дна – 8 см; ширина ручки у основания – 5 см; ширина ручки посередине – 3,5 см. Ширина канеллюры (седловинки) – 1 см.

Погребение №3 (рис. 3: II) впускное в материке, в катакомбе, в южную полу кургана. Расстояние восточного угла входной ямы до линии колов к востоку – 14 м; к югу по линии до центра – 4,05 м. Расстояние западного угла до линии колов к востоку – 15,3 м; по линии колов до центра – 5,35 м. Размеры пятна камеры: 1,35×0,95 м. Размеры входной ямы: 1,8×1,5–1,25×2,65 м. Ориентировка длинной оси – СВ – ЮЗ. Размеры камеры: 2,4×1,55×15 м. Ориентировка камеры СЗ – ЮВ. Размеры дромоса (длина, ширина, высота): 0,15×0,66×0,65 м. Высота свода – 1,1 м. Между входной ямой и камерой была ступенька высотой 0,5 м. Камера имела форму овала. Катакомба исследовалась двумя раскопами – над камерой и над входной ямой. Вход в камеру был закрыт глиняной пробкой из серо-зелёной глины. На дне камеры лежал скелет человека, вытянутый, на спине. Руки были прижаты к туловищу. На безымянном пальце левой руки было костяное полированное кольцо. У стенки находились 2 сосуда, а вдоль левой стороны от скелета были уложены в линию несколько булыжников.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфора кирпично-красного цвета с пористой поверхностью; короткая цилиндрическая горловина отделена от плечевой части гладким наlepным валиком, а плечевая часть отделена от придонной части валиком с ногтевыми вдавлениями. Над валиком расположены 7 рельефных концентрических полуокружностей вершиной вверх. Высота сосуда – 37 см. Высота плечевой части – 13 см. Высота венчика – 4,5 см. Диаметр тулова – 42 см. Диаметр горловины – 23 см. Диаметр дна – 15,9 см. Толщина стенки – 0,7 см. Сосуд 2 – кружка с каннелированной ручкой из-под венчика и укрепленной на уступе. Высота – 15 см. Диаметр – 16,5 см. Ширина ручки у основания – 5 см, а посередине – 3 см.

Погребение № 4 (рис. 3: III), впускное, в материке, в катакомбе в юго-западной поле кургана. Расстояние ЮЗ угла до

линии колов к востоку – 1 м, а до центра к югу – 15 м. Размеры камеры: 1,4 × 0,97 × 1,09 м. Ориентировка камеры – ЗСЗ – ВЮВ. Размеры входной ямы: 1,52 × 1,34 × 1,09. Размеры коридора – 0,1 м. Высота ступеньки (разность уровней камеры и входной ямы) – 0,4 м. Высота свода – 0,8 м. Катакомба была обнаружена на погребённой почве по заполнению из камней входной ямы. Яма была заполнена булыжником на всю глубину. Камни были взяты из кромлеха, поскольку остатки его были в непосредственной близости от могилы. Вход в катакомбу был закрыт большим камнем. Катакомбная могила исследовалась двумя раскопами: над камерой и над входной ямой. Свод камеры был почти целый, поэтому можно было определить его высоту.

На дне камеры, имевшей сегментовидную форму, лежал скелет человека в сильно скорченном положении на правом боку. Руки были согнуты и, вероятно, помещены перед лицом (сохранились плечевые кости). Скелет ориентирован головой на ЮВ, лежал спиной к входу. У стенки камеры стояло два сосуда, а третий был в большом сосуде.

Инвентарь: Сосуд 1 – амфоровидный без ручек, без орнамента, с цилиндрическим горлом; плечевая часть выделена уступом; небольшой поддон. Цвет – светло-коричневый с пятнами. Высота – 33,6 см. Диаметр тулова – 33,6 см. Диаметр устья – 24,9 см. Диаметр дна – 15 см.

Сосуд 2 – кружка с уступом, с седлообразной ручкой, чёрного цвета, с подлощённой поверхностью. Высота – 14,5 см. Диаметр тулова – 21 см.

Сосуд 3 – миска с выступом-ручкой. Цвет – коричнево-розовый с пятнами. Края загнуты вовнутрь. На дне отпечатки ткани. Высота – 5 см. Диаметр по краю – 11 см. Диаметр дна – 7,0 см. Длина выступа – 1,5 см.

Выводы

Курган у с. Ногир – базовый памятник, дополняющий наше представление

о ранних этапах КТК, выделенных на основе стратиграфии курганов у с. Дзуарикау. К разным этапам кубано-терской культуры¹ относятся погребения №№ 6, 8, 11, 12, 13 кургана у с. Ногир, а их культурно-определяющим признаком являются амфоры различного облика, но с одной сакральной и символической функцией (изображение Великой богини согласно поддерживаемой нами гипотезе М. Гимбутас). В катакомбных погребениях № 2 и 3 содержатся те же категории инвентаря – амфора и кружка, как и в погребениях № 12 и 13 КТК, что указывает на небольшой разрыв во времени этих объектов и на двойную культурную атрибуцию первых катакомбных погребений в этом регионе и Кубано-Терского междуречья в целом, совершённых по обряду КТК только в инновационной форме могильного сооружения.

В кургане у с. Ногир зафиксировано несколько погребальных обрядов кубано-терской культуры (на боку с разной степенью скорченности и разным положением рук, вытянутое на спине). Эти же обряды практикуются и в катакомбных памятниках Северной Осетии, и, конкретно, в Ногире 1/2, 1/3, 1/4. *Сосуществование на Северном Кавказе нескольких обрядов погребения от новосвободненского и вплоть до кобанского времени доказывает неоднородность «этнической» составляющей кубано-терской культуры Северного Кавказа, возникшей в результате взаимодействия с местным населением мигрантов из разных регионов Европы* [10, с. 222–223].

Сравнительно-типологический анализ инвентаря показывает культурно-хронологическую связь древнейших по-

¹ Уместно напомнить, что кубано-терская культура [10, с. 17, 33, 34, табл. 1], бесспорно, в определённой степени соотносится с центральным вариантом СКК [2; 8], но выделена на другой источниковой базе и на другой методологической основе. Периодизация КТК иллюстрируется на комплексах, характерных для каждого из пяти этапов КТК [10, с. 502–509], как и территориальные особенности КТК [10, с. 510, приложение 3, с. 494–517].

гребений КТК в кургане у с. Ногир и в кургане у с. Дзуарикау Северной Осетии, поскольку в обоих погребениях присутствовали амфоры с шаровидным туловом и изящным шнуровым орнаментом, представляющим ранний признак КТК. Хронология Ногир 1/6 (=1/15) определяется временем Дзуарикау 1/19, датируемым по топору типа Новосвободная-Баньябук¹. Таким образом, оба погребения характеризуют 1-ый этап кубано-терской культуры [10, с. 502, рис. 29], непосредственно сменяющей культуру дольменов Новосвободной в центральной части Северного Кавказа.

Следующий, 2-ой этап КТК в Северной Осетии характеризуется смешанными комплексами, сочетающими черты кубано-терской и пост-куро-аракской культур². Хронологию этого короткого этапа определяет Дзуарикау 1/15, содержащее бронзовый проушной топор «типа Сачхере», встречающийся в сочетании с многовитковыми браслетами и Т-образными гигантскими бронзовыми булавками, эндемичными для Сачхере [10, с. 502, рис. 29: II; 21]. Культурно-определяющим признаком керамики этого синкретичного этапа, наиболее ярко представленного в Дзуарикау, является большая амфора с двумя ручками на середине тулова, которая найдена при вытяннутом захоронении и в Ногире 1/13.

С другой стороны, категория «амфоры с двумя ручками на середине тулова» отмечается в памятниках Юго-Восточной Европы, известных под разными терминами, но тождественных по сути (буджакская культура, «памятники днестровского варианта ямной культуры усатовского времени» [4, с. 74–82], позднейшие комплексы с усатовским компонентом в Поднестровье³ [17; 18, с. 85], а также подкар-

патская культура шнуровой керамики Вольны [1, с. 51])⁴. Эти аналогии служат ключом и к происхождению и хронологии комплекса Ногир 1/13 и свидетельствуют о миграции населения из Восточной Европы с запада на Кавказ, а не наоборот.

Смешение элементов кубано-терской и деривата куро-аракской культуры в одних комплексах в бронзовом веке Северного Кавказа находит параллели в данных ареальной лингвистики, свидетельствующих о сильном влиянии северной ветви индоевропейских языков на картвельские [7; 9, с. 138–139], что было возможно только при условии прихода носителей индоевропейских языков на Северный Кавказ⁵ [10, с. 207–211]. По

⁴ Существование таких смешанных комплексов на юго-западе Восточной Европы [5, рис. 53], где в разных пропорциях представлены позднее Триполье, КШК, КША, пост-баденские производные, как и прототипы практически всей керамики новосвободненской культуры, свидетельствует о том, что формирование комплекса новосвободненской культуры происходило в позднетрипольском (усатовском) массиве с дальнейшим перенесением его на Кавказ мигрирующими пастухами-«древнеевропейцами» [9, с. 137–138]. Присутствие в одном комплексе (курган 1 погребение 21 с. Пуркары, Поднестровье, Молдавия [18]) позднетрипольского сосуда, новосвободненской бомбовидной амфоры, амфоры с двумя ручками на середине тулова свидетельствует о небольшом разрыве между временем дольменов Новосвободной и 2 этапом КТК и происхождении их из круга КШК и КША.

⁵ Пракартвельский язык, соответствующий куро-аракской культуре, распался в 21–19 вв. до н.э., а грузинско-занский, соответствующий времени Марткопи-Бедени и Тrialeti – в 13 в. до н.э. Лексические заимствования из индоевропейских языков и другие изменения в картвельском языке были сделаны во II тыс. до н.э. Значит, кубано-терские погребения и смешанные с куро-аракским компонентом могли появиться только после рубежа III/II тыс. Радиоуглеродная некалиброванная хронология соответствует ближневосточной исторической (а не археологической) хронологической шкале. Колебания египетской системы хронологии, на что ссылались организаторы «калиброванной революции» и удревнения всех дат III тыс. почти на 700 лет и на 400 лет для начала II тыс., (например, К. Ренфрю), на самом деле не соответствуют реальности, что показано А. В. Сафроновым [6, с. 3–22]. Картвело-индоевропейские взаимодействия на Северном Кавказе привели к смене куро-аракской культуры

¹ Сходный тип проушного топора отмечен как на Кавказе, так и в Подунавье в синхронных памятниках.

² Особо показательными являются погребения Дзуарикау 2/2 и 1/15 [10, с. 469, 472].

³ Важно отметить, что Е.В. Яровой обозначал эти амфоры (тип 6) как «шнуровые» [18, с. 85].

данным лексикостатистики, это период первой половины II тыс. до н.э. [7]. Это стало ещё одним аргументом в пользу миграционного происхождения и индоевропейской атрибуции кубано-терской культуры [9, с. 140; 10, с. 207–211].

III этап КТК, достаточно короткий по времени и локальный, выделен по курганам у с. Дзуарикау [10, с. 503, рис. 30], а в Ногире не представлен, но на следующем IV этапе КТК, на пике её развития [10, с. 504, рис. 31], связь между курганами Ногира и Дзуарикау устанавливается ещё по двум и даже трём погребениям: Ногир 1/8, 1/11 и Дзуарикау 1/18. Объединяющий их набор бронзовых украшений с полусферическими коваными умбонами встречается в КТК в комплексе с посоховидными булавами [8, рис. 11 с. 382–384] и маркирует сложение степного варианта КТК, для которого характерны бронзовые молоточковидные, копирующие костяные прототипы, а возможно, и Т-образные сачхерские прототипы [16], и посоховидные булавы с умбонами. В курганах Калмыкии эти артефакты встречаются в горизонте раннекатакомбных вытянутых на спине погребений (горизонт С [15, с. 77 сл.]), непосредственно сменяемых левобочными погребениями в катакомбах (горизонт D [15, с. 100 сл.]) с красноохристыми сосудами и амфорами, украшенными выпуклым зигзагом, как и в Дзуарикау 1/18 и на амфоре из Ногира 1/8. Эти памятники относятся к рубежу горизонтов С и D1 и к V этапу кубано-

терской культуры. Сосуществование КТК в ямах и в катакомбах наблюдается у самых предгорий как на востоке (Ногир), так и на западе (с. Чиколы и Хазнидон на р. Урух) Северной Осетии [10, с. 280–300], что выражается в сочетании катакомбы с комплексом КТК в инвентаре и обряде ингумации. На следующем этапе КТК исчезает, а катакомбы Чиколы с неорнаментированной керамикой соответствуют Н-образным катакомбам с неорнаментированными кружками в восточноманчской катакомбной культуре (горизонт D, по В. А. Сафронову [15, с. 100]).

Заключение

Курганы у с. Ногир, как и могильники у с. Дзуарикау, с. Чиколы и Хазнидона в Северной Осетии, являются базой для выделения, периодизации, хронологии и культурной атрибуции культуры средне-бронзового века – кубано-терской культуры. Наблюдаемые аналогии в памятниках начала среднебронзового века в таких удалённых друг от друга регионах, как Кубано-Терское междуречье и Северо-Западное Причерноморье, позволяют масштабнее рассматривать вопросы происхождения КТК. Постепенный, небольшими группами приход носителей КШК, КША и их дериватов из Центральной Европы на Кавказ подтверждается данными ареальной лингвистики об индоевропейско-картвельских изоглоссах, где в качестве индоевропейских выступают корнесловы, продолжающие свое развитие во всех языках северной ветви праиндоевропейской общности (или древнеевропейцев – предков кельтов, италиков, германцев, славян). Это объясняет мозаичность и разнообразие комплексов погребально-инвентаря и ритуалов [9; 10, с. 219–220].

Согласно нашей гипотезе, новосвободненская, кубано-терская и катакомбная культура имеют, с одной стороны, общее миграционное происхождение из близких центров Европы, а с другой стороны, как устойчивые культурные образования они окончательно форми-

на триалетскую, а хронология последней согласуется с хеттской историей и хронологией, подтверждаемыми письменными источниками из Угарита и Египта [13, с. 211 сл.; 14, с. 5–10] и противоречит удревнению в виде системы калиброванных дат для новосвободненской, ямной и катакомбной культур. Между историей и археологией Ближнего Востока пролегла пока никем не интерпретируемая пропасть в 700 лет. Достаточно упомянуть известную царскую гробницу Арслан-Тепе, которая по типологии инвентаря относится ко времени исторического Аккада 23 в. до н.э., по C14 – к 23 в. до н.э., а по калиброванной дате к 3000 г. до н.э. Вероятно, уже пора прервать безмолвие по поводу такого вопиющего противоречия.

ровались уже на территории Северного Кавказа под влиянием окружения предшествующих и синхронных культур.

Переход к катакомбной культуре в Предкавказье и на Северном Кавказе совершался по единому алгоритму для всего раннекатакомбного горизонта Восточной Европы: на первом этапе усваивалась форма могильного сооружения – катакомба при сохранении погребального комплекса культуры предшествующего

периода. На следующих этапах катакомбной культуры Кавказа амфора сохраняет доминирующие позиции, что подтверждает её сакральную функцию как антропоморфного сосуда, являющегося изображением Великой Богини и потому долгоживущим элементом погребального обряда индоевропейцев как Центральной, так и Восточной Европы.

Статья поступила в редакцию 30.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёменко И. И. Культуры шнуровой керамики // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987. С. 35–51.
2. Археология СССР: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. М.: Наука, 1994. 384 с.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Дергачёв В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1986. 223 с.
5. Дергачёв В. А., Манзура И. В. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинёв: Штиинца, 1991. 335 с.
6. Ильин-Томич А. А., Сафронов А. В. Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // Вестник древней истории. 2010. № 4 (275). С. 3–22.
7. Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Институт языкознания, 1994. 249 с.
8. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 151 с.
9. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии. 2010. № 223. С. 121–131.
10. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Издательство Московского государственного областного университета, 2011. 500 с.
11. Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. 2019. № 4 (44). С. 570–579.
12. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
13. Сафронов А. В. Датировка письма RS 34 и хетто-угаритские отношения в конце XIII в. до н.э. // Вестник древней истории. 2011. № 4 (279). С. 211–218.
14. Сафронов А. В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 2. С. 5–10.
15. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С.23–306.
16. Сафронов В. А., Николаева Н.А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
17. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). Труды Государственного исторического музея. Т. 165. М., 2007. 400 с.
18. Яровой Е. В. Курганы энеолита – бронзы Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 269 с.

REFERENCES

1. Artyomenko I. I. [Corded Ware Culture]. In: *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [Archaeology of the USSR. The Bronze Epoch of the forest belt of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 35–51.
2. *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Archaeology of the USSR. The Bronze Age in the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p.
3. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979* [Archaeological research at new construction sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik: Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Dergachyov V. A. *Moldaviya i sosednie territorii v epokhu bronzy* [Moldova and neighboring territories in the Bronze Age]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1986. 223 p.
5. Dergachyov V. A., Manzura I. V. *Pogrebal'nye komplekсы pozdnego Tripol'ya* [Burial complexes of the Late Tripolie]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1991. 335 p.
6. Ilyin-Tomich A. A., Safronov A. V. [Dating and possible historical context of the "Speech of Ipuvera"]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2010, no. 4 (275), pp. 3–22.
7. Klimov G. A. *Drevneishie indoevropaizmy kartvekskikh yazykov* [The oldest Indo-Europeanisms of the Kartvelian languages]. Moscow, Institute of Linguistics Publ., 1994. 249 p.
8. Markovin V. I. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n.e.)* [The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 151 p.
9. Nikolaeva N. A. [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium BC: data of archeology, linguistics, mythology.] In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2010, no. 223, pp. 121–131.
10. Nikolaeva N. A. *Etnokul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n.e. v kontekste drevney istorii Evropy i Blizhnego Vostoka (vydelenie drevneevropeiskoi linii razvitiya)* [Ethno-cultural processes in the North Caucasus in the III–II millennium BC in the context of the Ancient History of Europe and the Middle East]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2011. 500 p.
11. Nikolaeva N. A. [The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations]. Part 2. In: *Oriental Studies*. Elista, 2019, no. 4 (44), pp. 570–579.
12. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppes: Collected descriptions of Monuments studied in the Republic of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista: Gerel Publ., 2008. 298 p.
13. Safronov A. V. [Dating of the letter RS 34.129 and Hittite-Ugaritic relations at the end of the 13th century. BC]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2011, no. 4 (279), pp. 211–218.
14. Safronov A. V. [The date of Ugaritic letter RS 88.2009]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2013, no 2, pp. 5–10.
15. Safronov V. A. [Classifying and Dating Bronze Age Monuments in the North Caucasus]. Part 1. In: *Soobshcheniya Nauchno-Metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR* [Communications of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the Ministry of culture of the USSR]. Iss. 7. Moscow, Znanie Publ., 1974, pp. 24–306.
16. Safronov V. A., Nikolaeva N. A. [The origin of bone hammer-shaped pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology of Academy of Sciences], 1975, no.142, pp.11–17.
17. Shishlina N. I. [Northwestern Caspian Sea region in the Bronze Age (V–III mill. BC)]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. Vol. 165. Moscow, State Historical Museum Publ., 2007. 400 p.
18. Yarovoy E. V. *Kurgany eneolita – bronzy Podnestrov'ya* [The Mounds of the Chalcolithic – Bronze of the Dniester region]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990. 269 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof. of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Alexander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курган у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 164–179.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. A kurgan near the village of Nogir and the problem of cultural attribution of Middle Bronze Age monuments in North Ossetia. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 164–179.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-164-179